

М.С. Маргулиес

**Год интервенции. Книга
вторая**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.С. Маргулиес**
Год интервенции. Книга вторая / М.С. Маргулиес – М.: Книга по Требованию,
2024. – 326 с.

ISBN 978-5-458-69121-5

ISBN 978-5-458-69121-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

ПОПЫТКА СОЗДАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ДЛЯ НЕВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ.

Беседа с Альбертом Тома. — Мой доклад в Русском Политическом Собрании.— В. В. Вырубов.— У Венизелоса.— У Говена.— Беседа с Марселем Самба.— У Министра Иностранных Дел Пишона.— У Альберта Тома с В. А. Маклаковым.

8 Апреля 1919 года. Вторник.

В 11 часов у Альберта Тома. Подтверждает, что Одесса эвакуирована и говорит, что 231 французских солдат перешли к большевикам.

Я: Допустим, что Русское Политическое Собрание в Париже пойдет на федерацию, республику и землю крестьянам; что теперь за это союзники дадут?

Тома: Ничего.

Я: Что же тогда дальше? Ведь и вы будете опрокинуты движением большевиков, а вы их не одобряете? Нужен комитет для мирной борьбы с большевизмом, раз вооруженная невозможна.

Тома: Идея мне представляется правильной; к тому же вот уже два года, как мы об этом говорим правительству, но оно ничего не делает.

Я: Нужно заняться пропагандой и товарообменом.

Тома: Согласен, все это хорошо.

Я: Укажите мне людей, которые занялись бы этим со стороны французов.

Тома: А в Русском Совещании кто за это?

Я: Думаю, что Маклаков и Бахметьев.

Тома: Давайте поговорим вчетвером с ними. Назначили в пятницу утром у Тома.

Тома бранит Русское Совещание, говорит, что если союзники не были тверды в вопросе об интервенции, то виноваты русские, потому что союзники и до сих пор не знают для кого и для чего эта интервенция, и теперь же все идет к сговору с большевиками.

Я: Чего вы добьетесь сговором?

Тома: Им поставят условия и прежде всего пусть устроят Учредительное Собрание — это заставит их отказаться от тактики диктатуры пролетариата. (!)

Я: Я предпочитаю Принкипо Учредительному Собранию, которое будет величайшим блефом. На Учредительном Собрании вы получите одних большевиков из-за отсутствия законных свобод, путей сообщения, почты, телефонов и телеграфов, а на Принкипо большинство будет не большевистское.

Тома: Но кто же это большинство — Кобленц?

Я: Отчасти; но ведь многие из России думают, не как Кобленц, а как я.

Тома: Давайте поговорим обо всем с Маклаковым и Бахметьевым.

В 12 часов завтракаю с бароном С. А. Корфом. Порицает мою идею федералистической лиги; не надо разговаривать с нациями, они в большинстве, а России нет; они нас задавят.

Я: А ведь вы говорили, что вы федералист. Когда же вы начнете разговаривать с окраинами и пацциями?

Корф: Когда создастся Россия и можно будет созвать Учредительное Собрание.

Я: То есть через долгие годы, а нации и окранны будут дожидаться и ничего не делать? Такие отсрочки — гибель для дела.

Корф просит помочь сближению Авксентьева с Маклаковым, — у них не ладятся взаимные отношения, а так же предлагает привлечь и его к обсуждению с Маклаковым и Бахметьевым вопроса о Международном Комитете.

Охотно соглашаюсь.

В 3 часа — в Русском Политическом Совещании; присутствуют кн. Львов, Маклаков, Сазонов, Извольский, Гирс, Бахметьев, М. Стахович, Ефремов, Коновалов, Струве, Иванов (Шлиссельбургский), Аджемов и Вырубов (хотя оба последние и не члены Комитета). Делаю подробный доклад о событиях на Юго-Западе, не щадя ничего и никого; пользуюсь присутствием Сазонова, чтобы выяснить парижанам трагическую роль Совещания при генерале Деникине, какую оно играло в событиях, предшествовавших эвакуации. Чувствую, что сидящим в Париже это мало интересно, — они ведь представляют официально Деникина и Колчака, и как все официальные органы разрешают критику своих владык только самим себе.

Послы, выслушав мой доклад, ушли на посольское заседание в соседней комнате. Через некоторое время выходит оттуда Маклаков; говорит мне: один из послов сказал, что если бы 10% из того, что рассказывает Маргулиес, была правда — это было бы ужасно; Сазонов заметил: три четверти, по крайней мере, правда. — Скажите им, что все 100% — правда — предложил я Маклакову.

М. А. Стахович говорит мне, что был в Лондоне, видел там Н. С. Брасову; она получила телеграмму от

Михаила Александровича из Японии, он едет в Лондон. (?)

В 6 часов у Венизелоса; мелкие черты, красивый прямой нос, наседающие друг на друга желтоватые зубы, восковое лицо, быстрая речь, приятная улыбка, на голове ермолка. Говорит, что греческие войска уходят из Одессы. Венизелос получил телеграмму от большевиков с угрозой, что они отомстят на греках Феодосии и Марнуполя, если греческие войска не уйдут из Одессы. Рассказывает историю посылки греческих войск в Одессу. Сперва французы потребовали у Венизелоса войска для Одессы словесно. Венизелос ответил, что без письменного приказа от мирной конференции он войска не даст, ибо ему нужен документ для самооправдания перед греческой Палатой депутатов. Тогда французское командование прислало ему бумагу, где была ссылка на «нашу вчерашнюю беседу». Венизелос потребовал не такой бумаги, а ясного и точного приказа, который, наконец, и получил. Горько жалуется на французов: во-первых, они не прислали достаточно войска в Одессу, а присланное было невысокого качества, а потом всякий раз, как в прессе говорили об удачной обороне юга, говорили только о французских войсках, а когда речь шла о поражениях — назывались греческие полки. Я расхвалил греческие войска, сказал что в Одессе на них одних теперь вся надежда. Венизелос забавно поблагодарил, пожмая мне руку: «Вы единственный пока говорите это». Французы посылают его войска в Бессарабию; он очень встревожен заявлением, что там прекрасная почва для большевизма.

Секретарь его, провожая меня, сообщил, что войска еще не уходят, ибо занялись вывозом граждан: греки одни вывезли 5.000 человек.

Я: Как это так? А пароходы откуда, матросы, уголь?

Секретарь: Ну, вывезли, может быть, и много меньше, но все же вывезли.

Когда я передал Маклакову о предложении Тома, — он тотчас же согласился; не знает, согласится ли Бахметьев, который очень высоко держит свое посольское знамя, считает, что идти к Тома, пока лучше без Бахметьева; не верит в то, что американцы пойдут в предполагаемый мною Международный Комитет.

Сведения в телеграммах: в Одессу идет итальянский дредноут за итальянскими подданными, греческий за греческими, французы повезут французов, а русских...

9 Апреля. Среда.

У кн. Львова казенный французский автомобиль, а посольству французское правительство автомобиля не дало

В 11 часов у Бурцева; читает мне свою статью по поводу бегства союзников из Одессы. Восклицания: «изменники, трусы», вопли, восклицательные знаки. И ни слова о том, как быть дальше. Спрашивает, а что же теперь?

В 2 часа дня я у Говэн, передовика „Journal des Débats“. Умный старик, внимательно слушает, говорит, что он — антибольшевик, что много работал с другими, чтобы укрепить эту позицию, но что русские были здесь очень неудачные, — либо знали о большевиках только по наслышке, либо рассказывали о личных драмах, что никого не убеждало, так как Франция все это пережила в XVIII веке. Многие (еще вчера один крупный французский дипломат говорил это) склонны изолировать Россию и предоставить ей пере-

варпеть большевизм, который теперь, по общему мнению, значительно смягчился и сам себя изживает.

Я предлагаю Международный Комитет для мирной борьбы с большевизмом путем прессы, торговли, подготовки требований для предъявления большевикам, если они пожалеют, торговой и финансовой помощи от Европы.

Соглашается, готов всячески помочь, указывает ряд лиц, с которыми надо поговорить и с которыми он сам поговорит. Развиваю ему ту же тему, что на митинге радикальной партии в Одессе: главная опасность большевизма в падении значения труда, что крайне понизит мировую трудоспособность рабочих и вместе с нею повсюду крайне удорожит жизнь.

В 4 часа в Палате Депутатов у Марселя Самба (он, как и Тома, и Жорес, — видом скорее русские купцы, чем культурные французы). Говорим, перебивая друг друга.

Я: Одесса сдана. Этот фазис пройден. Нужны другие меры, если только Вы считаете, что большевизму не следует предоставить развиваться дальше и открыть ему в Европе двери.

Самба: Разумеется нет.

Я: Так вот, какие меры могут быть признаны допустимыми против большевиков французскими социалистами? Вот Тома находит нужным предложить им Учредительное Собрание, а я думаю, что это будет блэф.

Самба: Я тоже так думаю; мне кажется, нужно прежде всего, чтобы вы, русские, здесь отrekliсь от старого режима. А затем — необходимо, чтобы русские вошли в Советы и изнутри их взорвали.

На моем лице нескрываемое выражение признания этого совета безнадежно глупым. Самба сердится и говорит:

— Вместо того, чтобы говорить мне, что Вы думаете, — Вы заставляете меня высказываться.

Я: Надо завязать с ними торговые сношения в широком масштабе, потребовать, как в XV веке, когда торговали с некультурными странами, широкой гарантии личной неприкосновенности, открытой деятельности иностранных банков, чекового оборота, обеспечения товарных складов, надзора союзников в гаванях и т. п. Затем надо объединить прессу в усилиях правильного изображения большевизма.

Самба: Прекрасная идея, — сражаться с ними торговлей. Я всячески ее поддерживаю.

Я: Если мы устроим нечто в роде международного Комитета, готовы ли Вы нас поддерживать?

Самба: С одним условием: отречение русских от всего старого.

10 Апреля. Четверг.

В 10 часов утра у Пишона — Министра Иностранных Дел, на Quai d'Orsay. Старик усталый, разочарованный. Говорю ему о позоре Херсона, Одессы, о нулевом престиже Франции, о немецкой организации, о возможно скором падении Румынии и Галиции и читаю ему набросанную вчера вечером на-скоро записку следующего содержания:

1. Стратегические и финансовые интересы Франции в России значительно выше таких же интересов Англии, Америки, Италии и Японии и равны лишь интересам Германии.

2. Симпатии к Франции были велики в русском населении до и во время войны, хотя, нужно сознаться,

в силу сопротивления французов не особенно то верили; защита Вердена, однако, сделала энтузиастами и наибольших скептиков.

3. Положение резко изменилось с тех пор, как союзники стали оказывать содействие в вооруженной борьбе с большевиками: эвакуация Херсона, Николаева, Одессы (а также и неизбежно предстоящая эвакуация Крыма) бросают всех нас в объятия немцев.

4. Русская буржуазия, интеллигенты, руководящий класс готовы немедленно перейти на сторону немцев, забывая, что эти последние напустили на Россию большевиков и поддержали их.

5. Момент для Франции — критический, так как для всех очевидна неизбежность новых войн, связанных с глубокой перетасовкой государств по мирному договору; прочие союзники не утратили своего престижа в такой мере, как Франция, ибо:

а) англичане твердо держатся в Архангельске, Ревеле и на Кавказе, где они с самого же начала оккупировали край, на что французы до самого конца не решались на Юге России из-за боязни ответственности;

б) американцы помогали лишь, как техники (например, на Сибирских железных дорогах) и там где они работали, — работа была успешна.

6. Единственный способ для Франции поднять свой престиж — это взять на себя смелую и широкую инициативу в создании Международного Комитета для разрешения большевистского вопроса.

7. Этот комитет должен будет:

а) распространять по всему миру правильные сведения о большевизме (сведения эти в одинаковой мере далеки и от той легкомысленно-сочувственной оценки, которую дают большевикам американцы, и от слепоты многих русских, которые видят в этом мировом событии только обыкновенный разбой). Нужно создать мировое бюро прессы;

б) послать в кредит в страны, больные большевизмом, большие стоки товаров, необходимых населению (единственный способ создать в них длительные симпатии к союзникам), и для этого надо заранее изучить условия, которые будут поставлены большевикам: в отношении транспорта товаров, охраны товарных складов, и нормальной работы банков. Принятие большевиками предложенных товаров, — а будут приняты если не все, то хотя бы часть этих условий, — и будет концом их владычества.

в) все эти вопросы подвергнуть теперь же тщательному изучению, дабы быть готовыми, как только наступит благоприятный момент, вступить в сношения с большевиками.

Только учреждение такого Международного Комитета может задержать внимание союзных правительств на этом основном вопросе мирового значения, без правильного разрешения которого конференции мира никогда не удастся создать прочного, длительного мира. Надо помнить, что есть только два способа быстро свергнуть большевиков: либо реальная, а не маргаритовая, как до сих пор, вооруженная помощь нашей армии, либо торговля. Первая невозможна, благодаря бессилию современных союзнических правительств сломить сочувствующую большевикам оппозицию рабочих, — надо немедленно организовать и широко обратиться ко второй.

Пипсон внимательно слушает; говорит: «разумеется, без победы над большевиками мир не будет прочен». Потом, задумавшись: «кстати, что же такое по вашему большевизм?»

Я: — «C'est le cri de détresse des misereux, exploités par des individus, denoués de tout sentiment de responsabilité (большевизм — это вопль отчаяния обездоленных, эксплуатируемый лицами, лишенными всякого чувства ответственности). Большевизм опа-

сен повсюду, где есть обездоленные, а так как они есть везде, то он и опасен повсюду».

Пишон говорит, что англичане и американцы что то в роде предлагаемого мною предпринимают; хотят везти товар через Швецию.

Говорю, что нужно все обдумать, призвать нас, русских, в качестве экспертов; прошу указать мне лицо в министерстве иностранных дел, которому я мог бы надоедать по этому вопросу. Пишон называет Филиппа Бертелло, которого беретая немедленно предупредить.

Любезно провожает до дверей.

Еще одно пустое место.

Читаю в «Матэн», что союзники покинули Перекоп. Из Севастополя устраивают «укрепленный лагерь». Конец Крыму...

Звонил Маклаков. Бахметьев был у американцев; справлялся, признают ли они большевиков, — там ответили, что все это — вздор.

Завтракал с Э. П. Шепердом, — сотрудником банка «Луп Дрейфус и С-ья». Сообщил сведения о Комитете Юденича в Гельсингфорсе. Сперва им руководил Трепов (бывший Министр Путей Сообщения). Чтобы придать Комитету оттенок либеральности, — избрали во главу Комитета Карташева (бывшего обер-прокурора Святейшего Синода во Временном Правительстве). Представители союзников — мелочь, как было и на юге. Денег союзники не дают. Смета была составлена на сто миллионов франков на 6 месяцев, — французы ничего не дают, англичане обещали 12 миллионов франков. Генерал Маннергейм с финнами давно готов взять Петроград, — союзники не позволяют.

В 5 часов пришел мячман Холмский, до сих пор не попавший в Сибирь. Он с капитаном Щербаковым уже три недели путается в Париже. В Америку отказались